

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ИЗ НИДЕРЛАНДСКИХ ПОЭТОВ

ГВИДО ГЕЗЕЛЛЕ

Гвидо Гезелле (1830-1899) – первый фламандский поэт. Первый в том смысле, что до него поэзии на фламандском языке фактически не существовало. И первый в том смысле, что его лирика – самое значительное явление во фламандской поэзии, оказавшее неоценимое влияние на становление новейшей нидерландскоязычной поэзии в целом. Католический священник, преподаватель семинарии, Гезелле оставил огромное поэтическое наследие. Противопоставив свое творчество влиянию как господствовавшей в Бельгии франкоязычной среды, так и «кальвинистскому» языку Северных Нидерландов, Гезелле писал на отчасти придуманном им самим «новоязе», изобилующем архаизмами и диалектизмами, – что вряд ли бы удалось адекватно отразить в переводе.

Алексей Пурин

* * *

Если сердце слышит,
всё вокруг поет, зовет,
нежным знанием дышит,
речью вдумчивой живет:
листья молодые
шелестением полны,
волны голубые
плещут, шумны и вольны,
дол и высь над нами –
тропы, где Господь прошел,
шепчут нам словами
тайный сладостный Глагол...
если сердце слышит!

1859

ТЫ О СТИХАХ

Ты о стихах, поэту милых,
готов легко судить,
не в силах
сам строчки сочинить!

Стихописание – дар от Бога
не всем, иных утех
премного –
искусство ж не для всех!

Цвети, коль носишь облик розы;
Ты – ключ? – твои желан-
ны слезы;
но тот, кто жбан, тот – жбан!

Не мыслит жук ожить в верблюде,
ворона – стать пчелой,
но люди
глупей зверей порой!

Так, каждому свое! Солдатам
положена картечь
к их латам,
Поэтам – слово, речь!

1863, 1877

О, ДУХ ПОЭЗИИ

О, дух поэзии, не ты ли
меня, раба, спасал из пут –
и дивны были
превоздаяния за мой ничтожный труд!

Ты, сущий, был что кров и пища
мне там, где умер бы другой,
среди пепелища, –
и в мире дара нет сравнимого с тобой.

Ты жгучей раны, дух целящий,
касался, женщины нежней, –
о неболящей –
я тотчас забывал, излеченный, о ней.

И ты мне рек тысячекратно,
но я пересказать того
не в силах внятно –
сладкоголосья где сыскать мне твоего!

1877

О, ЗЛАТОГЛАВОЕ СВЕТИЛО

О, златоглавое светило,
чьим пылом жизненная сила
дана всему,
кому обязано орбитой
своей ты, синевой сокрытой,
чьему уму?

Ты восстаешь из-за предела,
куда земное не глядело;

твои лучи
читит человек, и зверь, и птица, —
пока не канет колесница
твоя в ночи.

О, солнце, о, зеркальный глянец,
ты — зримый отсвет, ты — посланец,
посол Того,
Кто *Азм есмь* — и повелевает,
Кого прекрасней не бывает;
ты — герб Его?

Как по гербу — всю мощь владыки
и сколь владения велики,
так всяк бы мог
узнать по блещущим камням
Царя, не емлемого зреньем,
чье имя — Бог!

1889

МАТУШКА

Здесь, на земле,
и полотна,
где бы лицо
светилось
твое,
о, матушка моя,
увы,
не сохранилось.

Ни на стекле,
ни на холсте,
ни на бумаге —
только
незримый образ,
что во мне
не потускнел
нисколько.

Когда б я,
недостойный, смог
и впредь нести
земною
стезей его,
не исказив, -
чтоб он исчез
со мною!

1891

СПЯЩИЕ ПОЧКИ

Еще не рождены,
они, уже зачаты,
не обретенья, нет,
еще, но не утраты, –
так ворох разных рифм
лежит во мне и ждет,
когда – для каждой свой –
рожденья миг придет.

Так дремлет под корой
упрятанная почка,
таясь, и до поры
не выпустит листочка, –
но лист, и цвет, и плод
уже хранит она –
наступит день и час
очнуться им от сна.

1895

Перевод Ирины Михайловой и Алексея Пурина

МАРТИНУС НАЙХОФФ

Мартинус Найхофф (Martinus Nijhoff; 1894 – 1953) – один из немногих нидерландских поэтов XX-го века, чья заслуженная слава достигла мирового уровня. Основоположник модернизма в нидерландской поэзии. Происходил из семьи известных издателей. Всю жизнь (кроме студенческих лет, когда он получал юридическое и филологическое образование в Амстердаме) прожил в Гааге, где служил адвокатом. Любимой лирической формой Найхоффа был сонет. Поэзии Найхоффа присуща обманчиво-простая форма в сочетании с многосложностью эмоционального и философского содержания. Переведен на многие языки мира. В Нидерландах существует литературная премия его имени.

Марина Палей

РЕБЁНОК И Я

Я как-то на рыбалку брёл – грустя,
Хандря с утра... Но вот, воды черпнул,
Меж лилий влажных ряску отведя,
Открыл себе оконце – и взглянул.

И хлынул сильный, первозданный свет
Из темноты нетронутых глубин...
И я увидел сад, какого краше нет,
И мальчика, что там стоял один.

Да: у стола он с грифелем стоял
И выводил на сланцевой доске
Мои слова! Их сразу я узнал
В его по-детски тщательной строке.

И вдруг, вот чудо, начал он писать
Уверенно, свободно и легко
Такое, что не смел я и мечтать,
Всё, что так долго прятал глубоко.

Но если только я ему кивал,
Что понимаю смысл, он тогда
Легонько рябь рукой в пруду пускал...
И слово исчезало навсегда.

МОЦАРТ

Вновь кипарисов проскользнув завесы,
Луч утренний от свежести дрожит
И льётся сквозь цветные витражи
Вниз, в белый будуар седой комтессы.

Вновь начат день, заранее отжитой,
– Послушай птичку в клетке над чепцом! –
И снова дама старческим лицом
Клонится к пяльцам, к нити золотой.

Сегодня, как всегда, кого-то вводят в зал,
Кто – тишина, поклон – идёт за клавикорды...
Рассохшийся спинет послушно вьёт аккорды...
Увядший дух сонаты... Ритуал...

Комтесса внемлет клавишам спинета,
– Кружится тема, сердца не жалея! –
А видит в боковом окне: аллея,
Фонтаны, пары, лёгкие кареты...

ПЛЮЩ

Когда возле той, где ей жизнь продлевали, больницы иду,
то не потому, что её воскрешения жду,
а потому, что выросший плющ уже разбросал свою сеть
даже по верху ограды. И я залезаю смотреть.

В саду, как прежде, стоит одинокое здание.
Запах роз и лизола. Стойкое сочетание.
Вновь коридорами долго и гулко один шагаю.
Вот эта дверь. Но табличка уже другая.

И в то же время, о плющ, ты щекочешь мне щёку,
уводя в драгоценный вечер, в моё далёко.
Я в беседке, я болен, жар пожирает детское тело,
а она сидит рядом, нашу песню любимую только что спела.

«Я пойду принесу одеяло, сынок, холодает...»
И шаг её нежный в шорохе гравия пропадает.
А я начинаю ждать, сквозь листья плюща считая
льдистые звёзды, что тонко звенят не тая.

«Выдумщик, – слышен шелест плюща, – спустись-ка на землю, милый,
да лучше снеси одеяло маме твоей на могилу.
Наверно, ей зябко в плаще, что дрожью под ветром исходит,
лежать и бессечно смотреть, как льдистые звёзды восходят».

КИТАЙСКИЙ ТАНЦОР

Желты луна и музыка. Царит
Смех инструментов в сумерках углов.
Я приседаю в танце: мой улов –
Мозаика прохладных тихих плит.

В моей душе ночных печалей много.
Я лишь скелет в телесном тесном платье.
Я приседаю в танце: без проклятья
Зрю всеобъемлющее тело Бога.

Смотрите на руки мои – вот так, вот так
Мир кружит свой бесцельный путь во тьме.
Я различаю вещи – и подобья.

Вблизи меня – фарфор, а дальше – мрак,
А сверху – ночь с дырой луны, и мне
Понятно: под ногой надгробье.

ОБЛАКА

Далёкий день. Безбрежна панорама
Сияющих небес. Я с матерью лежу
В цветущем вереске и в облака гляжу...
«Что видишь там, скажи!» – смеётся мама.

И я кричу: «Вон кит! Он ловит рыбку!
Вон Скандинавия! А вон, гляди-ка, слон!»
Сон, словом став на миг, плывёт в свой легион...
А мама тихо плачет сквозь улыбку.

Всё гуще облака, всё реже в небо взгляды –
Я повзрослел. Стал тусклым солнца луч.
И я не смог спастись от чуждых туч,
Что жизнь теснят с упорностью армады.

А в вереске мой сын – ему ещё легка
Лепнина облаков, их ловит наудачу...
И мне понятна мамина тоска:
Другие облака. Я плачу.

Перевод Марины Палей